

ДЕЛО НИКОНА

О. Ф. Козлов

В истории России XVII столетие оставило заметный след. Борьба с польскими и шведскими интервентами, юридическое оформление полного закрепощения крестьянства, воссоединение Украины с Россией, две крестьянские войны и серия городских восстаний, общественно-религиозное движение, известное под названием раскол, — таковы основные вехи, пройденные народами страны еще до последней четверти столетия. Этот период российской истории был отмечен и важными изменениями в производительных силах, проявившимися в переходе от простого ремесленного производства к разделению труда на мануфактурах. Наметилась ликвидация былой экономической обособленности многих регионов страны. В. И. Ленин, определяя это столетие как особый этап в истории России, отмечал, что «новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Однако в разных сферах жизни долго сохранялись еще различные пережитки старины. Так, несмотря на формирование самодержавной монархии, православная церковь, по-прежнему обладавшая огромными земельными владениями, финансовыми и судебными привилегиями, оставалась как бы государством в государстве. Она являлась существенной частью идейно-политической надстройки феодального общества и играла в его жизни важнейшую роль, выступая, как и всякая христианская церковь, «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»². Но под натиском самодержавия церковь в XVII в. начала постепенно терять прежние позиции. Когда к середине столетия сократилось количество черносошных и дворцовых земель, бывших ранее основным источником пополнения дворянского землевладения, это заставило дворянство обратить свои взоры на земли духовных феодалов, владения которых продолжали увеличиваться, что, в свою очередь, приводило к сокращению площади земель, годных для раздачи в качестве поместий. Вот причина столкновения интересов светских и духовных землевладельцев. Монархия, опиравшаяся на дворянство, пыталась ограничить рост церковного землевладения. Еще в 1572 и 1580 гг. монастырям было запрещено приобретать землю по дарственным, купчим, закладным и духовным грамотам³. Но строго эти постановления не соблюдались. В 1622 г. были узаконены земельные приобретения, сделанные монастырями после 1580 г. (если до 1613 г. на эти земли не были поданы челобитные от прежних владельцев)⁴. В 1628 г. царским указом было разрешено свободно распоряжаться вы-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153—154.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

³ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук» (ААЭ). Т. 1. СПб. 1836, № 308; «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел» (СГД). Ч. 1. М. 1813, № 202.

⁴ П. Смирнов. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. «Труды Среднеазиатского государственного университета. Серия III, вып. 2. Ташкент. 1929, стр. 73.

служенными вотчинами и в том числе отдавать их в монастыри «на помин души»⁵. В первой половине XVII в. значительные земельные владения были пожалованы патриархам Филарету и Иосифу⁶.

Дворянство же рассматривало церковные вотчины в качестве потенциального источника земельных дач, а доходы с них — как средства, которые должны поступать в государственную казну. На Земском соборе 1642 г. дворяне и дети боярские потребовали от правительства, чтобы оно обратило денежные средства патриарха, архиереев и монастырей на покрытие военных расходов. В 1648 г. от дворян, детей боярских и «ото всея земли» поступило челобитье, в котором содержалось требование отобрать у духовных феодалов все их вотчинные земли, приобретенные после 1580 г., и раздать в поместья⁷. Но правительство не осуществило секуляризации церковных владений. Оно только категорически запретило всему духовенству под страхом конфискации купленных или подаренных вотчин приобретать новые земли⁸. Отказ от секуляризации был вызван желанием самодержавия сохранить церковное землевладение как постоянный источник государственного дохода, из которого оно черпало под видом займов необходимые в экстренных случаях денежные суммы. Секуляризация была бы «равносильна отказу от возможности в трудную минуту делать беспроцентные и безвозмездные заимствования из церковных сундуков»⁹.

Однако под давлением настойчивых требований посадских людей на Земском соборе 1648—1649 гг. о ликвидации частновладельческих слобод на посадах и включении в тягло всех занимавшихся торговлей и ремеслами царское правительство все же провело в 1649—1652 гг. посадскую реформу, в результате которой церковь лишилась большинства владений в городах. За четыре года у церковных феодалов было отобрано не менее 3620 дворов, то есть около 80% всех городских владений духовных вотчинников¹⁰. Эта мера отвечала и стремлению правительству увеличить поступления денежных средств, взимаемых с податного населения городов. Общим же направлением государственной политики по отношению к крупным духовным землевладельцам явилось постепенное ограничение их судебных и финансовых привилегий. Еще в 1619 г. был учрежден Приказ сыскных дел, которому поручалось пересмотреть жалованные грамоты и подтвердить их от имени царя. Результатом пересмотра стало ограничение податного иммунитета. Сохранив за церковными феодалами их земли, правительство начало взимать с духовных вотчин стрелецкие и ямские деньги и возложило на них выполнение повинностей, связанных с городовым и острожным делом. Часть монастырей, расположенных в черносошных уездах, лишилась всех податных льгот¹¹.

Подверглись ограничению также привилегии церкви в области суда и управления. Согласно Соборному уложению 1649 г., все церковные и монастырские земли, кроме патриарших, были переданы под управление специально созданного Монастырского приказа, в котором разбирались судебные дела по гражданским искам к духовенству и населению духовных вотчин. Иски, предъявлявшиеся духовенством и зависимыми людьми к посторонним лицам, рассматривались в соответствующих приказах по подсудности ответчиков. По искам не свыше 20 руб. население церковных вотчин подлежало суду городских воевод по месту жительства¹². В компетенции патриаршего и архиерейского судов остались дела о преступлениях духовных лиц, дела всех подданных по обвинениям в преступлениях против нравственности, дела о разводах. Церков-

⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1953, стр. 161.

⁶ М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738). СПб. 1871, стр. 329—330.

⁷ П. Смирнов. Указ. соч., стр. 9, 74.

⁸ «Соборное уложение 1649 г.». «Памятники русского права». Вып. 6. М. 1957, гл. XVII, ст. 42.

⁹ П. Смирнов. Указ. соч., стр. 75. Такого же мнения придерживался и Н. В. Устюгов (Н. В. Устюгов. Классы и классовая борьба в России в XVII в. «Научное наследие». М. 1974, стр. 144).

¹⁰ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. II. М.—Л. 1948, стр. 593—607.

¹¹ С. Б. Веселовский. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» («ЧОИДР»), 1907, кн. 3.

¹² «Соборное уложение 1649 г.», гл. XIII, ст. 1—3.

ные суды свидетельствовали также духовные завещания. Таким образом, на протяжении первой половины XVII в. царское правительство проводило политику ограничения привилегий церкви и подчинения ее общегосударственной системе централизации. Только за патриархом были сохранены городские слободы, судебные и податные льготы. И все же церковь оставалась крупнейшим землевладельцем в стране.

Помимо экономических причин, мешавших секуляризации, действовала еще необходимость укрепления авторитета церкви как силы, влиявшей на сознание людей. Если до XVII в. церковь и религиозное мировоззрение безраздельно господствовали в области идеологии и культуры, то с XVII в. наметились более заметный, нежели ранее, рост антицерковных настроений (проявлявшихся в стремлении народных масс противопоставлять обрядовому воплощению христианского вероучения народные праздники и обряды), индифферентное отношение части населения к церковным службам, массовое распространение пословиц и поговорок, высмеивавших церковь и ее служителей. В таких условиях секуляризация могла нанести удар по той самой церкви, которая любое выступление против существующих порядков объявляла греховным. Поскольку церковь являлась идейным тормозом, сдерживавшим активность масс в антифеодальной борьбе, в период резкого ее обострения в середине XVII в. ослабление влияния церкви было чревато серьезными последствиями. Поэтому осуществлялся ряд мер с целью поднять благочестие народа и укрепить положение церкви. Одной из таких мер была борьба с теми народными праздниками и традиционными, восходящими к язычеству обрядами, против которых православная церковь выступала еще с момента принятия христианства на Руси.

Большинство праздников было связано со сменой времен года и земледельческих циклов, игравших большую роль в жизни России, основу феодальной экономики которой составляло сельское хозяйство. Такими широко распространенными праздниками были святки — «народный праздник, коим оканчивается один год и начинается другой», и осень, живший в сознании народа как старинный земледельческий праздник обсеваания; в святки устраивались игры, гадания и пляски с участием ряженых; в осень молодежь с песнями ходила по домам и поздравляла хозяев, которые по обычаю насыпали им в лукошки зерна овса¹³. Во время праздников скоморохи исполняли небольшие пьесы на злобу дня, в которых высмеивались бояре, купцы и приказные подьячие. В одной из таких пьес, распространенной в XVII в., выводился в карикатурном виде боярин, принимавший челобитчиков, которые пришли к нему просить справедливого суда. Но боярин только кричит на них и гонит прочь. Представление оканчивалось появлением двух холопов с палками. Холопы били боярина, приговаривая при этом: «Добрые люди, смотрите, как холопы из господ жир вытряхивают»¹⁴. Народные праздники с участием скоморохов становились как бы выражением народного свободомыслия и социального протеста.

Стремление народа сохранить древние обычаи и обряды, которые не соответствовали содержанию обрядовой практики православной церкви, можно объяснить тем обстоятельством, что в связи с ростом эксплуатации и закрепощения крестьянства возросло и сопротивление народных масс. Одной из форм его была апелляция народа к «старине», представлявшей ему тем временем, когда отношения людей строились на основе равенства. «И народ действительно настойчиво отстаивал и творил свои предания, обычаи, сказки, поговорки, песни, которые церковь тщетно клеймила как языческие»¹⁵. Это не могло не привести к подрыву авторитета официальной церкви и росту антицерковных настроений. Последнее нашло отражение в возникновении и распространении в XVII в. пословиц, высмеивавших духовенство и церковные обряды. Например: «Молебен пет, а пользы нет», «Кому тошно, а попу мошно» и т. п.¹⁶.

Подобные настроения нашли отклик также среди посадского населения в виде произведений сатирической литературы, ставшей своеобразной формой протеста «против социальной несправедливости в разных ее проявлениях, против взяточничества

¹³ И. М. Снегирев. Русские престоноардные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М. 1857, стр. 1, 103.

¹⁴ А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб. 1889, стр. 95, 98—99.

¹⁵ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 399.

¹⁶ Л. Н. Пущкарев. Русские пословицы XVII в. о церкви и ее служителях. «Вопросы истории религии и атеизма». Т. VI. М. 1958.

администрации, пристрастного суда, пьянства, невежества, распущенности духовенства, против религиозного формализма»¹⁷. В 40-х годах XVII в. во многих списках распространяется «Смехотворное письмо о куре и о лисице», в котором высмеивалось формальное благочестие, его несоответствие реальной жизни. Широкое хождение имело и пародирование богослужебных текстов. Например, в «Сказании о крестьянском сыне» рассказывается о проделках одного вора: «И почал тать в клеть спускаться по вереве, а сам рече: «Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я во клеть крестьянскую»; найдя в кладовой еду, вор стал есть, приговаривая: «Тело христово примите, источника бессмертия вкусите»; взяв в руки жбан с пивом, он возгласил: «Чашу спасения прииму, имя господне призову». В повести середины XVII в. «Сказание о попе Саве и о великой его славе» высмеивается сутяжничество и тяжесть духовенства, его пренебрежение обязанностями духовного наставника; о священнике московской Кадашевской слободы Саве говорится, что он «в церковь ни ногой», но по целым дням «по приказам волочица», «по площади рыщет, ставленников ищет», посылает их вместо себя обедни служить, а сам «на постеле лежит»¹⁸. Вообще же в тот период нехождение к обедне и другим церковным службам, непочтительное отношение к обрядам и духовенству стало явлением довольно распространенным.

Рост антицерковных настроений еще не означал падения религиозности народных масс, так как догматы христианского вероучения при этом не затрагивались. Однако распространение подобных взглядов не могло не вызвать реакции со стороны правительства, потому что они не только наносили вред престижу официальной церкви, но и ставили под сомнение действия верховной власти, практика которой освящалась авторитетом церкви. Не случайно государственная власть вместе с духовенством вела борьбу с этими явлениями. В 1628 г. был издан указ, запрещающий отмечать народные праздники и направленный против скоморохов: «Чтоб с кобылками не ходили и на игрища б мирские люди не сходились, и тем бы смуты православным крестьянам не было»¹⁹. Несмотря на то, что за нарушение указа грозило суровое наказание, эта мера не привела к желаемым результатам. В 1636 г. патриарх Иосиф в одной из грамот вынужден был признать, что даже в столице во время церковных праздников «бесовские, повелевающе медведчикам и скоморохом на улицах и торжищах и на распутиях сатанинские игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками плескати, и плясати и иная неподобныя деяти»²⁰. Запрещая народные праздники, церковь стремилась привить народу «взгляд на греховность скоморошьего промысла, на бесовский характер творимых ими игр, глумов, «позоров», на музыку вообще и даже на музыкальные орудия — как на изобретение дьявола или дьявольскую лесть, на играца или потешника — как на слугу сатаны, слугу антихристову, исчадие дьявола»²¹.

Отрицательным образом сказывались на положении церкви различные непорядки и нестроения, имевшиеся в обрядовой практике. К числу последних относилось укorenившееся «многогласие». Поскольку миряне тяготились длительной службой (особенно крестьяне, которым во время полевых работ некогда было выстаивать в церкви по многу часов), священники отправляли все части литургии одновременно. При таком порядке священник, дьячок и хор читали и пели все вместе. Поэтому в церкви поднимался такой шум, что прихожане ничего не могли разобрать и со временем стали «относиться к богослужению чисто механически, бессмысленно, чисто внешним образом»²². Против подобного порядка выступила часть священников, видевших в нем одну из основных причин индифферентного отношения прихожан к церковным службам. Такими представителями белого духовенства были Аввакум, служивший с 1644 по 1651 г. священником в нижегородском селе Лопатицы, нижегородский протопоп И. Неронов, костромской протопоп Даниил, муромский протопоп Логгин и другие. Имелось еще одно обстоятельство, вызывавшее с их стороны негативное отношение: от-

¹⁷ «История русской литературы». Т. II, ч. 2. М.—Л. 1948, стр. 151.

¹⁸ «Русская демократическая сатира XVII века». М.—Л. 1954, стр. 70—71, 110—111.

¹⁹ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (АИ). Т. 3. СПб. 1841, № 92, стр. 96.

²⁰ ААЭ. Т. 3. СПб. 1836, № 264.

²¹ А. С. Фаминцын. Указ. соч., стр. 159.

²² Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад. 1913, стр. 134.

сутствие в церковной практике проповедничества, этого наиболее понятного народу религиозно-воспитательного средства. Аввакум начал читать поучения прихожанам, что явилось новшеством в российской церковной практике XVII века²³. В Нижнем Новгороде популярным проповедником стал Иван Неронов, который читал проповеди не только в церкви, но и по «стогнам града и на торжище»²⁴.

В столице сторонником искоренения «многогласия» и введения проповедничества был царский духовник Стефан Вонифатьев, настоявший на том, чтобы на свадьбе царя Алексея Михайловича «не были смеху никакому, ниже кощунам, ни бесовским играньям, ни песням студным, ни сопелному, ни трубному козлогласованию»²⁵, дабы царская свадьба послужила примером для подражания. Вокруг Вонифатьева образовался кружок «ревнителей истинного благочестия», члены которого, являясь в основном представителями провинциального дворянства, ратовали за преобразование для поднятия авторитета официальной церкви. В число «ревнителей» вошли Неронов (переведенный в Москву из Нижнего Новгорода примерно в 1646—1647 гг.), Логгин, Даниил, дьякон Благовещенского собора Федор Иванов и игумен Кожеодерского монастыря Никон (будущий патриарх), прославившийся ревностным исполнением монастырского устава. В мае 1606 г. в селе Вельманове (Вельдеманове), Княгининского уезда, недалеко от Нижнего Новгорода, у крестьянина Мины родился сын, названный Никитой. Ребенком Никита лишился матери. Довольно рано он выучился грамоте и пристрастился к чтению духовных книг. Это, очевидно, обусловило его уход в монастырь Макария Желтоводского. Его пребывание в монастыре явилось недолгим, так как оттуда он был вызван родственниками, по настоянию которых женился. В 20 лет Никита стал священником. Семейная жизнь его сложилась неудачно. Потеряв троих малолетних детей, он уговорил свою жену отпустить его в монастырь. В Анзерском ските на Белом море Никита постригся в монахи, приняв имя Никона. Не ужившись здесь с монахами, Никон перешел в Кожеозерский монастырь, Каргопольского уезда, где в 1643 г. был избран в игумены. За «подвижничество» Никон был в 1646 г. приглашен в Москву и оставлен при царском дворе. Не ранее 1648 г. членом кружка «ревнителей» стал и Аввакум. К кружку тесно примыкал окольный Ф. М. Ртищев. Первым шагом «ревнителей» было введение (вместо «многогласия») «единогласия», то есть раздельного чтения и пения во время церковных служб. Инициаторами выступили Вонифатьев и Ртищев. Неронов, назначенный по рекомендации Вонифатьева протопопом московского Казанского собора, сразу ввел в нем «единогласие». То же сделал и Аввакум.

Для установления общего принципа ведения церковных служб в Москве собрался в 1649 г. церковный собор, на котором высшие иерархи православной церкви во главе с патриархом, недовольные вмешательством кружка протопопов в дела, входившие в компетенцию духовных владык, выступили против обязательности «единогласия». Только после вмешательства царя вновь созванный в 1651 г. церковный собор постановил «пети... на Москве и по всем городам единогласно на вечернях и на повечерницах, и на заутренях, псалмы и псалтырь говорить в один голос тихо и неспешно со всяким вниманием»²⁶. Это постановление и деятельность «ревнителей» вызвали теперь недовольство приходского духовенства, которое привыкло к «многогласию», не имело навыка читать проповеди, да и многие священники, плохо зная грамоту, заучивали порядок церковных служб и соответствующие им тексты с голоса, а толковать и объяснять смысл богослужебных книг не умели.

Одновременно с осуществлением указанных мероприятий правительство проводило прежнюю политику борьбы с народными праздниками и некоторыми старыми обычаями. В 1647 г. были посланы в Белгород, Дмитров и Шую указы, запрещающие народные праздники и представления скоморохов²⁷. Спустя два года грамоты

²³ В. С. Румянцев. Огнепальный Аввакум. «Вопросы истории», 1972, № 11, стр. 112.

²⁴ «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (далее — «Материалы...»). Т. I. М. 1875, стр. 257—258.

²⁵ Там же, стр. 272—273.

²⁶ ААЭ. Т. 4. СПб. 1836, № 327.

²⁷ П. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М. 1850, стр. 296—299.

аналогичного содержания были получены воеводами Тобольска и Верхотурска. 12 февраля 1649 г. из Бежецкого Верха в Москву была прислана воеводская отписка о выполнении такого царского указа: «А некоторые люди в городе и на посаде и в уезде держались бесовских игр, и у тех людей домбры и гудки и волынки и сурны и всякие гудебные сосуды взыты и изломав сожжены». Такая же отписка была прислана костромским воеводой²⁸. Ряд указов был направлен против участвовавшего нехождения крестьян и посадских людей в церковь в воскресенье и другие праздничные дни. В 1647 г. правительство издало указы об обязательном хождении в церковь и о запрещении торговли во время церковных праздников и в воскресные дни²⁹. Предпринимались также меры, посредством которых пытались заставить народ неукоснительно соблюдать посты. Так, в 1650 г. в Свияжск стольнику Ф. Плещееву была послана царская грамота о строгом соблюдении горожанами и жителями уезда одного из постов. «А буде кто, — читаем в грамоте, — в нынешний Филиппов пост поститься и к церкви божий проходить не учтет, .. и тем людям быти от нас в наказании»³⁰.

Одним из последствий распространившегося в народе индифферентного отношения к церковным обрядам было несоблюдение населением норм поведения во время богослужения, предписываемых церковью. Государственная власть вынуждена была следить за тем, чтобы все «в церкви... стояли меж себя смирно, .. в пение никаких речей не говорили и слушали б церковного пения со страхом и со всяким благочестием». Нарушивших это царское повеление приказано было бить батогами³¹. Правительство сочло необходимым включить в Соборное уложение 1649 г. статью о том, что «православным христианом подобает в церкви божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити»³². Интересно отметить, что ведущая роль во всем этом принадлежала царю, а не патриарху или другим церковным иерархам. Причина состоит в том, что в момент ослабления влияния церкви неизменно усиливалась царская власть, считавшая своим долгом в данной ситуации взять на себя выполнение функций главы церкви.

Продолжением изменений, внесенных «ревнителями» в обрядовую практику, явились реформы, осуществленные в период патриаршества Никона. Когда умер патриарх Иосиф, на его место был поставлен Никон, снискавший к тому времени расположение и доверие Алексея Михайловича. Представленный царю его духовником Вонифатьевым, Никон произвел на самодержца большое впечатление твердостью взглядов и решительностью поступков. В 1648 г. он был назначен архимандритом московского Новоспасского монастыря, занимавшего особое место среди других монастырей, поскольку в нем находилась родовая усыпальница Романовых. Одновременно Никону было поручено принимать подаваемые царю челобитные и докладывать о всех случаях злоупотребления властью, хищениях казенного имущества и тому подобных преступлениях. При докладах Никон нередко предлагал царю готовые решения. Между царем и Никоном сложились доверительные отношения, еще более укрепившиеся после участия Никона (уже как новгородского митрополита) в подавлении Новгородского восстания 1650 года. 25 июля 1652 г. в Успенском соборе состоялась небывалая по пышности и торжественности церемония возведения Никона в сан патриарха, которого царь обязался чтить во всех духовных делах «как начальника и пастыря и отца крайнейшего».

Никон провел ряд преобразований, большая часть которых была обусловлена «причинами не только политического, но, несомненно, и культурного порядка»³³. В 1648 г. в Москве посольство украинского гетмана Богдана Хмельницкого объявило о намерении воссоединить Украину с Россией. В беседе с Арсением Сухановым в 1649 г. Хмельницкий заверял, что «грецы и сербы и болгары и волохи и мунтяны» хотят освободиться от турецкого ига и для них война России за свободу Украины

²⁸ АИ. Т. 4. СПб. 1842, № 35, стр. 124—126, 149.

²⁹ ААЭ. Т. 4, №№ 19, 324; АИ. Т. 1, № 35.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 1. СПб. 1830, № 47, стр. 246.

³¹ АИ. Т. 1, № 35.

³² «Соборное уложение 1649 г.», гл. I, ст. 9, стр. 23.

³³ А. И. Рогов. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII века. «Вопросы истории», 1973, № 4, стр. 34.

будет началом борьбы за независимость³⁴. Воссоединение Украины с Россией означало также и объединение русской и украинской церквей, что должно было в дальнейшем послужить основой для объединения и балканских церквей под властью московского патриарха. Осуществление этих задач возможно было только при условии унификации русской обрядовой практики с практикой украинской церкви, которая, как и практика балканских, находилась в тесном единстве с практикой греческой церкви. Никон приступил к выполнению этой задачи, разослав в 1653 г. по всем епархиям распоряжение, которым предписывалось творить поклоны в церквах только в пояс и креститься тремя пальцами. Это противоречило постановлению Стоглавого собора: «Иже кто не знаменается двумя персты... да есть проклят»³⁵.

Первыми против нового перетолкования выступили «ревнители древнего благочестия» Аввакум и Даниил. Они написали царю послание, оставшееся, однако, без ответа. На протест «ревнителей» властный Никон ответил репрессиями, отправив в ссылку Аввакума, Неронова и других противников его начинаний. Весной 1654 г. состоявшийся в Москве церковный собор одобрил меры, осуществленные Никоном. Одновременно было принято решение об исправлении книг по древним славянским переводам путем сличения их с греческими оригиналами, чтобы исправления основывались исключительно на греческой и русской старине, а не только на новейшей греческой церковной практике³⁶. Исправление богослужебных книг было вызвано также необходимостью привести тексты в соответствие с литературными нормами того времени. Справщики, выверяя тексты, стремились заменить одни слова другими, «которые звучали бы более торжественно, были дальше от обыденного, разговорного языка, что вполне соответствовало принятой тогда теории о трех стилях»³⁷. Пересмотр текстов был вызван также тем, что при переводе с греческого на русский были допущены ошибки, умноженные впоследствии не очень грамотными переписчиками. С развитием книгопечатания увеличилась потребность в исправных переводах, с которых можно было бы печатать книги. Необходимость исправления старых книг осознавалась и в более раннее время, о чем писали в послесловиях справщики. Однако первые попытки в этом направлении были неудачными³⁸.

Большинство духовенства относилось к новоисправленным книгам отрицательно. Новые слова и обороты были для них непривычными. К тому же среди приходского духовенства и монахов было много малограмотных, которым приходилось переучиваться с голоса, что было для них трудным делом. В 1658 г. соловецкие монахи составили соборное определение об отказе служить по новым книгам. «А ныне и по тем служебникам мы, старые священники, очередей своих недельных держати не сможем, а по новым служебникам для своей старости учитца не сможем же да и некогда... А которые мы священники и диаконы маломочны и грамоте ненавичны и к учению косны, по которым служебникам старым многия лета учились... а по новым... нам чернецам косным и неперемчивым сколько ни учитца, а не навькнуть»³⁹. Из архиерейских грамот видно, что и в 1666 г. приходское духовенство не считало нужным служить по новым книгам, в то время как часть священников пользовалась книгами исправленными. Создалась ситуация, о которой писал в своей «Челобитной» царю суздальский священник Никита Пустосвят, со временем ставший одним из вождей старообрядчества: «Во многих градах,.. наипаче в селах,.. не обретох дву или трех церквей, чтобы в них единолично действовали и пели, но во всех разнствие и велий раздор»⁴⁰.

Никон решительно боролся также со всеми отступлениями от византийской традиции иконописания. По свидетельству очевидца, он приказал собрать все новые

³⁴ С. А. Белокуров. Арсений Суханов. «ЧОИДР», 1849, кн. 2, отд. 1, стр. 18; см. также Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII вв. Сергиев Посад. 1914.

³⁵ «Стоглав». СПб. 1863, стр. 104.

³⁶ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов, стр. 146.

³⁷ А. И. Рогов. Указ. соч., стр. 34—35.

³⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V, т. 9. М. 1961, стр. 316.

³⁹ «Материалы...». Т. III. М. 1878, стр. 5—6. О неслужении духовенства по новым книгам см. там же, т. I, стр. 459—460, 463; т. III, стр. 108, 111, 117.

⁴⁰ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов, стр. 509; «Материалы...». Т. IV. М. 1878, стр. 155—157.

иконы, «в каком бы доме они ни находили их, даже из домов государственных сановников, что и было выполнено. Никон выколол глаза на этих образах, после чего стрельцы, исполнявшие обязанность царских глашатаев, носили их по городу, крича: «Кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание». В 1655 г. во время торжественного богослужения в Успенском соборе Никон отлучил от церкви как тех иконописцев, которые станут писать иконы в новой манере, так и тех, кто будет держать у себя дома такие иконы. «Никон брал эти образа правую рукою один за другим, показывал их народу и бросал их на железные плиты пола так, что они разбивались, и приказал их сжечь»⁴¹. По распоряжению Никона во всех церквях были сняты с западных стен иконы, поставленные частными лицами, чтобы молящиеся не стояли спиной к алтарю во время службы (если они в это время молились своим иконам)⁴².

Патриарх-реформатор стремился жестокими мерами искоренить также чрезмерное пьянство и пренебрежение со стороны священников обязанностями духовных наставников. Виновных били батогами, сажали на цепь, приковав за шею к стене, ссылали навечно в дальние монастыри⁴³. По свидетельству Павла Алеппского, сибирские монастыри в период патриаршества Никона были переполнены провинившимися монахами и священниками. Однако, как отмечает тот же очевидец, эти меры не принесли желаемых результатов. Особое внимание уделил Никон избранию священников в приходские церкви. В 1654 г. был издан патриарший указ о том, чтобы посадские люди и жители волостей, наметив кандидата на место приходского священника, подавали церковным властям «челобитые за руками», а в них свидетельствовали бы, что будущий священник «и не пьяница, и не зерник, и не тать, и не разбойник, и не душегубец, и креста на суде не целовал, и в боярском дворе в холопех и крестьянх не бывал»⁴⁴. Новоставленный обязательно должен был быть грамотным, «церковному правилу искусен» и не моложе 30 лет. В дьяконы разрешалось посвящать лиц, достигших 25-летнего возраста⁴⁵. Безместным священникам Никон запретил ходить из города в город и старался сократить их число. Для учета новопоставленных священников были заведены специальные книги⁴⁶.

Церковные реформы не затрагивали догматов православного учения⁴⁷. В осуществлении реформ в равной степени были заинтересованы практически и царская власть, и церковные иерархи, поскольку реформы были вызваны как необходимостью укрепления церкви, так и причинами внешнеполитического характера. Но это не исключало противоречий между церковью и государством, проявившихся вскоре с полной силой в так называемом деле патриарха Никона.

Несмотря на ряд предпринятых правительством мер, ограничивавших рост монастырского и церковного землевладения, приостановить его на практике оказалось невозможным. В 1673 г. духовным феодалам принадлежал в городах и уездах 116 461 двор; по данным, относящимся к 60-м годам XVII в., в патриарших домовых вотчинах было 6 432 двора, в вотчинах всех монастырей — 87 907 дворов⁴⁸. Значительно возросли во второй половине XVII в. владения патриаршего дома. Монастырям, построенным по распоряжению Никона, — Воскресенскому, Иверскому и Крестовому — было пожаловано царем много деревень, сел и рыбных угодий в разных уездах. Увеличение патриарших владений происходило также за счет присоединения прилегающих к ним террито-

⁴¹ «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским» (далее «Путешествие...»). Вып. III. М. 1898, стр. 136—137.

⁴² «Путешествие в Московию барона Августина Майерберга в 1661 году». «ЧОИДР», 1874, кн. 1, стр. 171.

⁴³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 322.

⁴⁴ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II. Сергиев Посад. 1912, стр. 66—67; ААЭ. Т. 4, № 331.

⁴⁵ ААЭ. Т. 4, № 331.

⁴⁶ «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских». Кн. XV. М. 1852, стр. 81.

⁴⁷ А. И. Рогов. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁸ А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. «Исторический архив». Т. IV, 1949.

рий соседних епархий, на которых имелись вотчины патриаршего дома. По этой причине крутицкая епархия была включена в состав патриаршей области. В 1657 г. Никон присоединил к своим владениям земли коломенского епископа. Отныне территория, принадлежавшая патриаршей кафедре, занимала «длинную центральную полосу Русского государства с углублением ее на северо-восток и расширением в южных пределах... одним своим внешним громадным видом давила остальные епархии и прижимала их к восточным и западным границам России»⁴⁹. Никон пользовался любой возможностью, чтобы увеличить свои владения. По словам Павла Алеппского, «всякий раз, как умирает кто-либо из бояр, патриарх является к царю и выпрашивает себе часть крестьян и имений умершего»⁵⁰. Владея большими денежными средствами, патриарх покупал новые земли с жившими на них крестьянами. В общей сложности он купил земель на 43 812 руб.⁵¹ и создал большой, лично ему подвластный удел, куда царским чиновникам вход был запрещен.

Ликвидируя одни епархии и оттесняя другие к отдаленным границам, он вызвал к себе враждебное отношение со стороны архиереев, которых стремился полностью подчинить своей власти: «Аще что сотворит без нашего патриаршего ведома, да будет лишен без всякого слова своего священного сана»⁵². С выступавшими против него архиереями Никон сурово расправлялся. Так, коломенский епископ Павел был сослан в дальний сибирский монастырь, где и погиб.

Политика Никона, заключающаяся в создании обособленной от государственной власти территории, чего-то вроде церковного государства внутри России, должна была неизбежно привести к столкновению с царем и светскими феодалами, особенно с дворянством. Столкновение было неизбежным и по той причине, что Никон как крупнейший духовный вотчинник не хотел примириться с политикой правительства, направленной на ограничение церковного землевладения. Он не соглашался с соответствующими статьями Соборного уложения 1649 г., называя его «проклятой книгой», которую надо уничтожить «ради освященного чина митрополитов и архиепископов». Столь же резко высказался он и о Монастырском приказе, требуя отмены подсудности духовных лиц светскому суду. «И у царского величества учинен приказ и именуется монастырским. И сице царское повеление есть давать суд на патриарха... и весь священный чин, а сидят в том приказе мирские люди и судят, а от духовного чину никого нет, и сице судят... всякие церковные и монастырские, движимые и недвижимые вещи, а в законных книгах сего несть писано»⁵³.

Несогласие с политикой ограничения духовного землевладения и частичной ликвидации финансовых и судебных привилегий церковных иерархов усугублялось разногласиями во взглядах на взаимоотношения между духовной властью и светской. Никон изложил свое мнение в предисловии к Служебнику 1655 г.: власть царская и патриаршая — это «богоизбранная и богомудрая двоица», каждый член которой равен другому, что, однако, не исключает зависимости царя от патриарха, ибо царь должен поступать во всем «яко послушник святыя и великия церкви»⁵⁴. Еще более резкую форму приобрели взгляды Никона об отношениях «священства» и царства в 1662—1663 годах. Отрицая теперь византийское учение о «премудрой двоице», он утверждал превосходство «священства» над царской властью: «Яко же месяц емлет себе свет от солнца,.. такожде и царь: поемлет посвящение, помазание и венчание от архиерея, от его же абие воспринимать уже имет свое совершенное светило, еже есть: истиннейшую силу и власть. Таковое есть то разнство между теми двумя лицами во всем христианстве, яковая есть между солнцем и луною»⁵⁵. Никон отстаивал принцип независимо-

⁴⁹ П. Никольский. Патриаршая область и русские епархии в XVII в. «Христианские чтения», 1888, январь — февраль, стр. 164.

⁵⁰ «Путешествие...», стр. 161.

⁵¹ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II, стр. 168.

⁵² Н. А. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. I. СПб. 1882, стр. 171—172.

⁵³ «Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества» (далее — «Записки...»). Т. II. СПб. 1861, стр. 517, 519.

⁵⁴ «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек гр. Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского». М. 1841, № 89, стр. 157, 163.

⁵⁵ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II, стр. 129.

сти церкви от государственной власти: «Яко где же церковь под мирскую власть снимается, нести церковь, но дом человеческий, вертеп разбойникам»⁵⁶.

Подобные взгляды объяснялись тем положением, которое занимал патриарх в церковных и государственных делах середины XVII века. Правительство, стремясь отдельными мероприятиями поднять влияние церкви в стране и учитывая чрезвычайную важность проводимых реформ, призванных разрушить веками складывавшееся представление об исключительной святости «московского благочестия», утвержденное Стоглавым собором, вынуждено было усиливать авторитет патриарха. А Никон, занимая высокие церковные посты и будучи крупнейшим духовным вотчинником, не только полностью разделял взгляды князей церкви относительно их исключительных привилегий, но и усвоил точку зрения воинствующей церкви о ее независимом положении по отношению к государственной власти. В итоге у него сложилось такое представление о значении патриарха и о власти «священства», которое не соответствовало существовавшей в России практике отношений между патриархом и царем. Достаточно указать на то, что в XVII в. церковные соборы, которые были высшей инстанцией в решении всех церковных дел, созывались только по особому повелению царя, а соборные решения, не скрепленные царской печатью, не имели силы. Постановления собора, принятые в присутствии государя, считались окончательными, так как «царское суждение суду не предлежит и не пересуждается». Царь сам намечал круг вопросов, выносимых на соборное обсуждение⁵⁷. Никону это не нравилось.

Помимо самостоятельности в делах церкви, патриарх в силу тесных личных отношений с царем получил вообще большую власть, позволявшую ему активно вмешиваться в вопросы государственного управления. 23 октября 1655 г. в обращенной ко всем присутствовавшим в Успенском соборе речи по поводу объявления войны с Польшей Алексей Михайлович назвал Никона «великим государем». На время своего отсутствия в столице он поручил патриарху управление Москвой и попечение о царском семействе. Фактически Никон в это время вершил делами всего государства. Он оказал, между прочим, помощь царскому войску, выделив из своих средств 10 тыс. руб., закупая оружие и отправляя в действующую армию хлеб, лошадей и подводы из монастырей.

Активное участие принимал Никон и в определении линии внешней политики, поддерживая главу Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина, предлагавшего заключить мир с Польшей и объединиться с нею, чтобы получить возможность вести войну со Швецией за выход России к Балтийскому морю. Однако события 1657 г. (неудача в войне со шведами) показали нереальность этой политики. Ответственность за неудачу в войне со шведами члены правительства, в состав которого входили бояре И. Д. Милославский, С. Л. Стрешнев, князя А. Н. Трубецкой и Н. И. Одоевский, и рядовое боярство возложили на Никона, недовольные его чрезмерной властью при дворе. Его упрекали в стремлении поставить власть патриарха выше царской.

Рост недовольства в придворных кругах произволом и властью Никона вызвал расхождение между царем и Никоном. Алексея Михайловича все больше и больше стали раздражать властный характер и нетерпимость патриарха, вмешивавшегося почти во все государственные дела. Постепенно Никона начали реже приглашать во дворец и все более отдаляли от участия в решении вопросов государственного значения. Окончательный разрыв произошел в 1658 году. Во время приема в Кремле грузинского царевича Теймураза окольничий Б. М. Хитрово ударил палкой одного из патриарших дворян. Никон, узнав об этом случае, просил царя расследовать дело и наказать Хитрово. Царь обещал разобраться, но ничего не сделал. Патриарх расценил это как открытое пренебрежение к его сану главы русской церкви. 10 июля 1658 г. царя ждали к торжественной обедне в Успенский собор. Но вместо царя пришел князь Ю. Ромодановский, заявивший Никону: «Царское величество почтил тебя как отца и пастыря, но ты этого не понял, теперь царское величество велел мне сказать тебе, чтоб ты впредь не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя впредь не будет». По окончании службы Никон объявил всем бывшим в соборе: «От сего време-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. 1, л. 391.

⁵⁷ «Деяния московского собора 1649 г.». «ЧОИДР», 1894, кн. 4, стр. 48—49.

ни я вам больше не патриарх, если же помыслю быть патриархом, то буду анафема»⁵⁸. Он рассчитывал на то, что его беспрецедентная угроза вызовет замешательство в правительственных кругах и в стране, и тогда он продиктует Алексею Михайловичу условия своего возвращения. Но этого не произошло.

Спустя некоторое время в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), куда удалился Никон, приехали кн. А. Н. Трубецкой и дьяк Ларион Лопухин. Посланцы царя спросили Никона, почему он уехал из Москвы «скорым обычаем». Если бы он заранее предупредил о своем отъезде, царь проводил бы его «с великой честью». Затем посланцы спросили Никона, кому быть патриархом вместо него, а пока патриарха нет, «благословил бы ведать церковь крутицкому митрополиту». Еще раньше, покидая патриарший престол, Никон предвидел возможность такой ситуации и объявил, что оставляет за собой право обличать «всякие неправды и церковные нестроения», как это делали «пустынники греческой церкви, возвещавшие царям греческим о церковных нестроениях»⁵⁹. Подобное положение не устраивало царскую власть. В 1659 г. царь приказал описать вещи Никона, пересмотреть его бумаги и ограничить доступ к нему разных лиц. Никон в ответ написал царю «Послание», наполненное угрозами: «Дивлюсь о сем, како вскоре в такое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити... ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети»⁶⁰.

Единственный выход из создавшегося положения заключался в низложении Никона и выборе нового патриарха. С этой целью в 1660 г. был созван церковный собор, предъявивший Никону обвинение в самовольном удалении с патриаршей кафедры и вынесший решение о лишении его патриаршего престола и священства. Казалось, путь к выборам нового патриарха открыт. Но тут выступил известный авторитет в области церковного права Елифаний Славинецкий. Он указал на то, что лишение архиерейского сана и священства возможно только при наличии еретичества, а поскольку Никон в этом не виновен, то решение собора незаконно⁶¹. Славинецкий утверждал также, что собор 1660 г. неправомочен, так как патриарха могут судить лишь другие патриархи. Учитывая международную известность Никона, царь вынужден был согласиться с мнением Славинецкого и распорядился созвать новый собор с участием вселенских патриархов. Одновременно с приглашениями восточным патриархам были направлены 25 вопросов о власти царской и патриаршей. В мае 1663 г. были получены ответы, сводившиеся к тому, что пределы царской власти безграничны. Патриарх должен быть во всем послушен царю и не имеет права вмешиваться в дела «мирские и воинские»: «Творящий мирские достоинства и прилежай о них, от своего клирического чина да извержится»⁶². На вопрос относительно правомочий епископского суда патриархи дали уклончивый ответ, подчеркнув, что если дело Никона будет рассмотрено константинопольским патриархом и его решение не вызовет возражений со стороны других вселенских патриархов, то это решение никто отменить не сможет.

Правительство Алексея Михайловича, не получив четкого ответа о правомочии епископского суда, удовлетворилось признанием каноничности предъявленного Никону обвинения. К тому же вселенские патриархи не высказались прямо за смещение Никона. Иерусалимский патриарх Нектарий предлагал царю решить дело мирным путем и пригласить Никона вернуться на патриарший престол (очевидно, из боязни прецедента)⁶³. Возможно, зная о содержании ответов, Никон держался уверенно. Когда в июле 1663 г. к нему были посланы кн. Н. И. Одоевский и окольный Р. М. Стрешнев, чтобы уговорить его добровольно отказаться от патриаршества, он в ответ пригрозил, что на соборе «великого государя оточтет от христианства»⁶⁴. Но спустя некоторое время Никон согласился с избранием нового патриарха на определенных условиях, которые изложил царю в письме от 14 января 1665 года. По этим условиям в его

⁵⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. VI, т. 11. М. 1961, стр. 211—212.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. 1, л. 133.

⁶⁰ «Дело о патриархе Никоне». СПб. 1897, стр. 8.

⁶¹ Н. С у б б о т и н. Дело патриарха Никона. Историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. М. 1862; стр. 45; прил. № 3, стр. 195—197.

⁶² Н. А. Г и б б е н е т. Указ. соч., стр. 242; СГГД. Ч. 4. М. 1828, № 27.

⁶³ СГГД. Ч. 4, №№ 27, 37.

⁶⁴ Там же, № 35.

распоряжении должны были остаться построенные им монастыри со всеми вотчинами, а также часть доходов от церквей патриаршей области; в письмах и официальных документах его следовало именовать «смирный Никон божией милостью патриарх»⁶⁵. Однако правительство не могло согласиться с существованием в стране двух патриархов, один из которых к тому же, равный по значению вселенским восточным патриархам, фактически оставался бы главой русской церкви.

Чтобы склонить на свою сторону восточных патриархов, Никон попытался вступить с ними в переписку. В феврале 1665 г. в письме к константинопольскому патриарху он жаловался на царя, который «в архиерейские дела учал вступаться властью и суд наш владети»⁶⁶. Общий тон и смысл письма должны были создать впечатление о русской церкви как преследуемой и гонимой царскою властью и о Никоне как ее защитнике. Подобного же содержания письмо было отправлено иерусалимскому патриарху. Никон знал об их желании разрешить конфликт мирным путем и надеялся, что они повлияют на остальных патриархов. Предвидя возможность такого шага со стороны Никона, правительство установило строгий контроль за его перепиской и негласное наблюдение за близкими к нему людьми. Когда в 1666 г. стало известно, что Никон послал за границу своего племянника, были приняты меры к его задержанию. В феврале 1666 г. племянника поймали и привезли в Москву. При обыске у него, кроме указанных выше писем, нашли письмо к архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию, пользовавшемуся большим влиянием среди украинского духовенства. Никон тоже пытался склонить его на свою сторону. Правительство постаралось не дать опальному патриарху никакой возможности вступить в сношения с антиохийским и александрийским патриархами, для чего посланным их встречать на границу стольнику П. С. Хитрово и стрелецким полуголовам Б. Пазухину и Л. Изъединову было приказано «беречь накрепко, чтоб к патриархам ни от кого ни с какими письмами никто не подъезжали, также бы и от них патриархов ни к кому никаких писем в посылке не было»⁶⁷.

В ноябре 1666 г. восточные патриархи прибыли в Москву. 1 декабря Никон в пышном патриаршем облачении в сопровождении большой свиты предстал перед собором церковных иерархов, на котором присутствовал и царь с боярами. Дьяк зачитал статьи обвинительного акта о самовольном оставлении Никонем патриаршего престола, о письмах восточным патриархам, которые он «многими лжами и клеветы на благочестивейшего самодержца и на все православное государство исполнив», и о том, что он «нарицал себе быти патриарха Нового Иерусалима»⁶⁸. Все обвинения Никон или отрицал, или ссылался на свое неведение. Когда ему предъявили как обвинительный аргумент его письмо, он сказал: «Рука моя, разве я описался»⁶⁹. Соборному разбирательству стремились придать чисто церковный характер, сведя его к рассмотрению нарушений Никонем правил восточной церкви. Поэтому второе заседание было посвящено чтению этих правил. Здесь Никон заявил: «Я этих правил не принимаю и не внимаю. Их в русской Кормчей нет, а греческие правила непрямые, их патриархи от себя написали, а печатали их еретики»⁷⁰. Дело сразу приняло неблагоприятный для Никона оборот: его обвинили в том, что он всю восточную церковь почитает еретической, и приговорили к лишению патриаршего престола. Однако за ним сохранили прежний титул, запретив ему вмешиваться «в мирские дела Московского государства и всея России, кроме своих трех монастырей, данных ему и вотчин их; в них бо, аще хочет, да рассуждает мирские дела»⁷¹. Таким образом, собор частично принял условия Никона.

Восточные патриархи стремились восстановить взаимоотношения двух властей на основе византийского принципа «премудрой двоицы». В приговоре от 3 декабря было написано, что патриарх «да не противится отнюдь царю, но да единоголасен и да единомыслит, яко быти быти мир и тиxость в царствии». Пределы той и другой власти уста-

⁶⁵ Н. Субботин. Указ. соч., стр. 209—212.

⁶⁶ «Записки...». Т. II, стр. 513.

⁶⁷ Н. А. Гиббенет. Указ. соч., стр. 855, 937.

⁶⁸ «Дело о патриархе Никоне», стр. 444, 477.

⁶⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. VI, т. II, стр. 264.

⁷⁰ Там же, стр. 265.

⁷¹ «Дело о патриархе Никоне», стр. 233—234.

навливались следующим образом: «Патриарх да не вступитца в царские вещи царского двора, и да не отступит вне предел церковных, якоже и царь имати да хранит чин свой». При этом делалась оговорка: «Но егда царь будет еретик и неправо править, тогда весьма подобает патриарху противостояти ему и опасите его»⁷². Тем самым патриарх получал грозное оружие, которое мог пустить в ход, объявив, например, что политика ограничения прав и привилегий церковных феодалов является нарушением апостольских правил и, следовательно, царь — еретик. Понятно, такое решение ни в коей мере не могло удовлетворить правительство. Заседания собора были прерваны на несколько дней, в течение которых происходили тайные совещания царя с приезжими патриархами. Сохранилось известие, что 5 декабря «сказка ему (Никону. — О. К.)... была в столовой же, что он патриархом именоваться недостоин, и учинили его простым чернецом»⁷³. По всей вероятности, то был предварительный приговор. Известно также, что 8 декабря у царя состоялось совещание с восточными патриархами, на которое никто из посторонних не был допущен. 12 декабря «в Крестовой на соборе при властях и боярах и думных людех»⁷⁴ был объявлен окончательный приговор по делу Никона. Местом ссылки низложенного патриарха определили дальний Феропонтов монастырь⁷⁵.

Оставался нерешенным вопрос о превосходстве «священства» над царской властью, рассмотрением которого собор занялся в январе 1667 года. На соборе отчетливо выявилась позиция церковных иерархов, которые, поддерживая царя в борьбе с Никонем, тем не менее отстаивали тезис «священство выше царства». Митрополит крутицкий Павел и архиепископ рязанский Илларион выступили на соборе как защитники независимости церкви от светской власти. В конце концов по настоянию восточных патриархов спорящие стороны пришли к компромиссному решению: «Царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в церковных»⁷⁶. Решение собора о взаимоотношениях духовных и светских властей осталось не скрепленным подписями участников собора и не вошло в состав официальных деяний собора 1666—1667 годов. Поддержка со стороны церковных иерархов в борьбе с Никонем была куплена ценою уступок со стороны правительства. Собор 1666—1667 гг. вынес решение об отмене светского суда над духовенством по гражданским и уголовным делам и о восстановлении в прежнем объеме права архиерея судить население своих вотчин. Царю пришлось указами подтвердить это решение. Объективно Никон защищал интересы крупных церковных вотчинников. Поэтому, когда в конце XVII — начале XVIII в. царская власть вновь прибегла к ограничению их привилегий, высшие сановники церкви предприняли попытку канонизации патриарха Никона⁷⁷.

Исторический смысл дела Никона состоит в том, что, нуждаясь в церковно-религиозном обосновании идеи самодержавия, царское правительство могло проводить политику только постепенной ликвидации судебного и податного иммунитета духовных феодалов, не затрагивая основ их землевладения. Началась долготелая борьба самодержавия за полное подчинение церкви государству. А следующим важным этапом в ней стало упразднение самого патриаршества в первой четверти XVIII века.

⁷² ЦГАДА, ф. 27, д. 140, лл. 258—260.

⁷³ СГГД. Ч. 4, № 52.

⁷⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. VI, т. II, стр. 266; СГГД. Ч. 4, № 52.

⁷⁵ В ссылке Никон продолжал называть себя патриархом и интриговал против Б. М. Хитрово и Р. М. Стрешнева с целью поссорить их с царем и вернуться на патриаршую кафедру. Избранного после него на патриаршество Иоасафа и сменившего последнего Иоакима Никон не признавал законными патриархами. В 1676 г. по приговору церковного собора, созванного патриархом Иоакимом, Никон был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь, где для него был установлен строгий режим заключения. По царскому указу 1681 г. тяжело больному Никону было разрешено вернуться в Воскресенский монастырь, но в том же году по дороге Никон скончался.

⁷⁶ Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II, стр. 226—227.

⁷⁷ В. Колосов. Попытки канонизации патриарха Никона. «Исторический вестник», 1880, август, стр. 794—796.